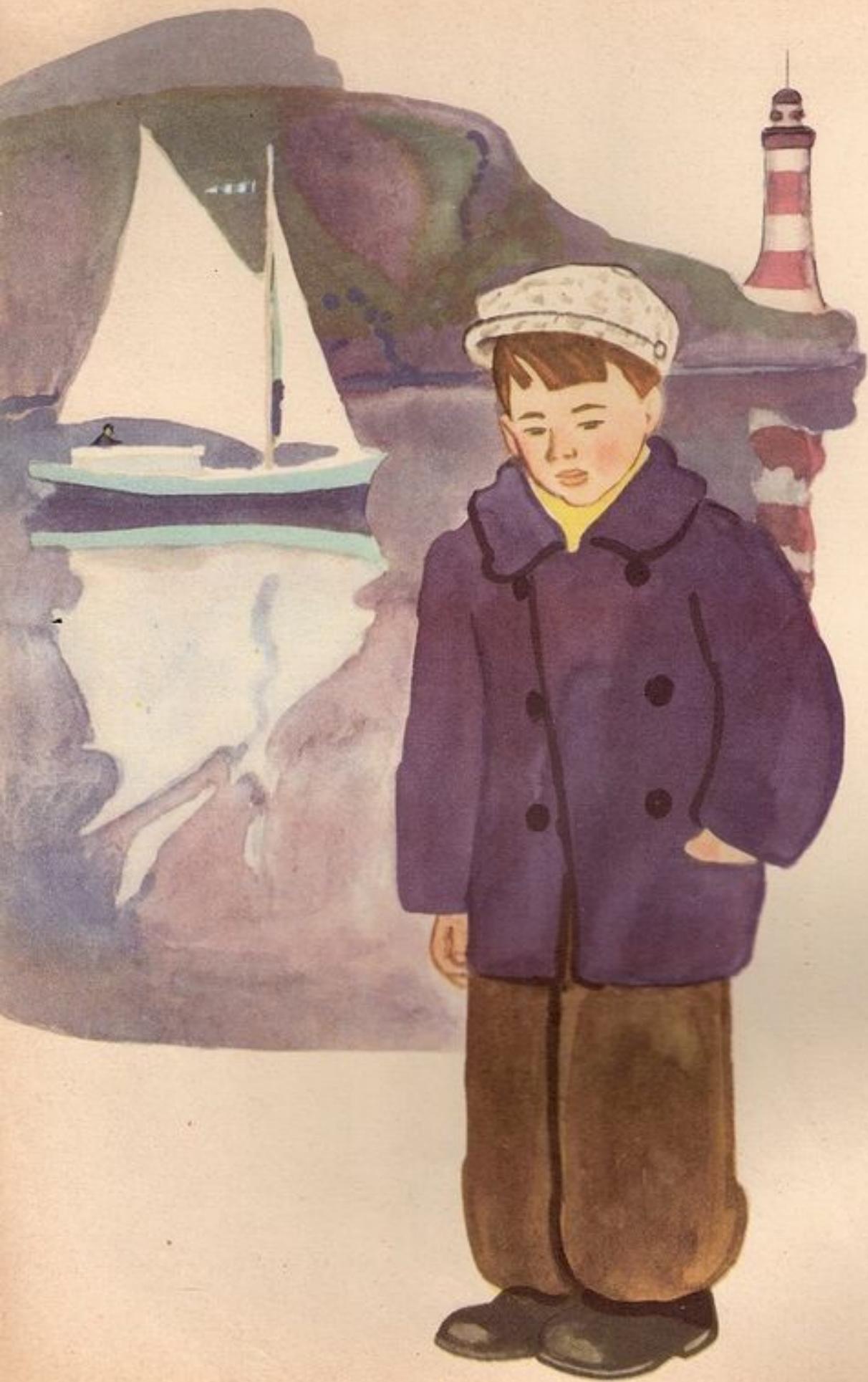

Г. КАРПЕНКО

**БУХТА
БАРАХТА**

Издательство «Детская литература»

Г. КАРПЕНКО

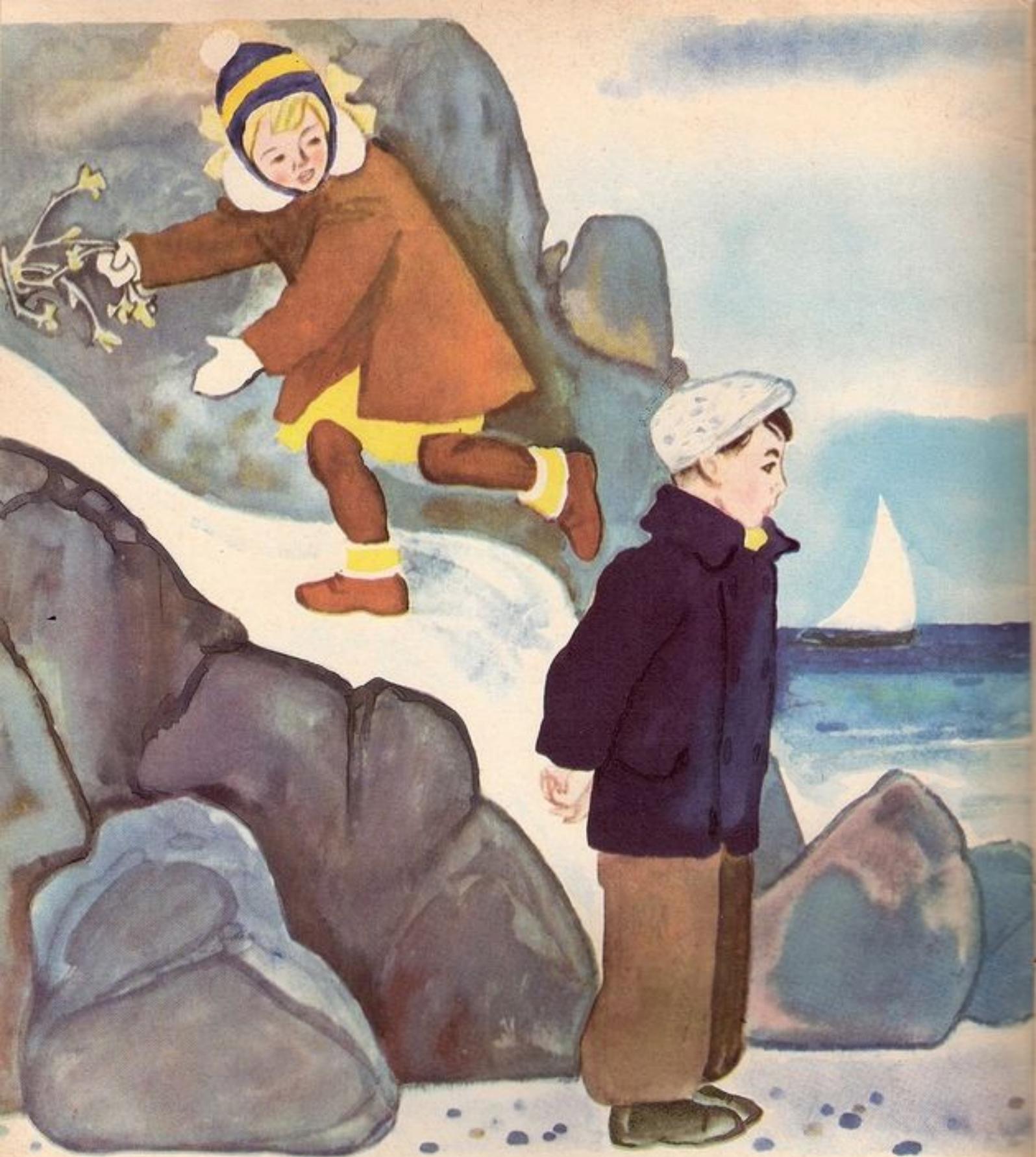
БУХТА

БАРАХТА

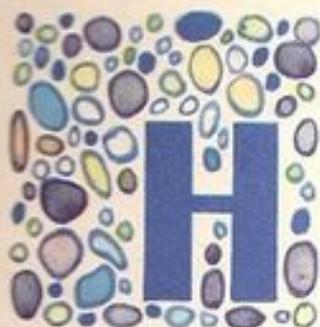
Рисунки Н. Цейтлина

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Детская литература»

МОСКВА - 1964

СНЕГ НА БЕРЕГУ

а берегу тёплого моря в бухте Барахте лежит снег. Зимние ветры иногда перелетают через горы, и на тёплом берегу наступают холодные дни.

По крутой тропке к морю бежит мальчик, а за ним, уже не так храбро, спускается девочка.

Девочка держится за кусты молочая. Из-под ног у неё летит песок и мелкие камешки.

— Подожди! Я сейчас упаду!.. — кричит она.

— А ты не бойся! — отвечает ей мальчик.

Но вот девочка ступает на скользкую гальку и видит море.

— Смотри! — говорит она. — Смотри!

Маленький парусник, покачиваясь, огибает скалы, выходит из бухты и исчезает за грядой волн.

— А ты куда хочешь плыть? — спрашивает девочка.

— Никуда не хочу.

Мальчик откинул ногой ржавую водоросль и повернулся к морю спиной.

— Я пойду искать, — сказал он.

— Пойдём вместе, — попросила девочка.

— Нет, я сам.

И мальчик ушёл по каменистому берегу. Он даже не оглянулся на девочку.

Девочка осталась одна у моря. Она стояла на мокрой гальке у самой воды, и ей очень хотелось, чтобы волна лизнула её новые блестящие ботики.

Хитрые чайки, опустив лапки в воду и сложив крылья, успевали покачаться на волне, пока она катилась к берегу. И взлетали, когда волна убегала обратно.

Девочка никогда раньше не видела ни моря, ни чаек.

— Маруся! — позвал сверху громкий голос. — Маруся! Не замочи ноги!

— А я уже замочила! — радостно откликнулась девочка.

— Тогда иди домой! — приказал тот же голос. — Ты не слышишь, как я тебя зову? — Это говорит Марусина мама. Вот она уже спускается по крутой тропинке вниз.

В это время самая большая волна ударилась о камень, рассыпалась зелёными брызгами и упала обратно в море.

— Чудо! — сказала мама.

— Мы облились! Мы облились! — закричала Маруся.

Они с мамой совсем не испугались и не обиделись на волну. По узенькой тропке они добежали до порога дома под красной крышей, который стоял высоко над морем, и перед ними распахнулась дверь.

— Ну, как море? — спросил их отец.

— Мы совсем мокрые! — отряхиваясь, сказала мама.

— Совсем! Совсем! — повторила Маруся.

— Если мокрые, то скорее сушитесь.

В доме топилась печь. Отец подбросил в огонь корявых сучьев. Мама и Маруся протянули к огню озябшие руки.

— Всё время было совсем тепло, — сказал отец. — Это вы привезли зиму.

— Как это — мы? — удивилась Маруся.

— Зиме стало обидно, что вы от неё удираете, — сказал отец. — „Куда это они едут?“ — подумала зима и побежала за поездом, потом за машиной и вот прикатила.

Отец смеялся, а Маруся смотрела на огонь и молчала. Она понимала, что отец шутит, но здесь, у тёплого моря, всё по-другому. Вот в стакане на столе белые цветы. Папа сам их сорвал вчера, когда мамы и Маруси тут не было. Вчера на берегу светило солнце, а сегодня здесь выпал снег.

— Где же Валя? — спросила мама. — Ведь вы ушли вместе?

— Он убежал, он ищет свою собаку, — ответила Маруся. — Собаку зовут Букет. Правда, чудно?

— Здесь почти всех собак так зовут, — сказал отец. — Ну, я пошёл, а вы тут устраивайтесь.

* * *

Наступил вечер. В бухте Барахте зажёгся маяк.

По берегу издали шёл мальчик — тот, который отправился искать своего друга. Он возвращался один.

Он не стал взбираться по тропинке к дому, а прошёл дальше по берегу к большому чёрному камню у самой воды.

Луч маяка раздвинул тьму, и мальчик увидел баркасы, стоявшие на якорях.

Луч передвинулся вверх, в небо, и баркасы исчезли. Где-то далеко загорелись и уплыли зелёные огни. В море стало совсем темно.

Но вот луч маяка пошарил в волнах и осветил лодку. Лодка шла на вёслах к берегу. Увидев её, мальчик взобрался на камень и замахал кепкой, потом побежал по берегу. В темноте лодка загремела днищем по камням.

— Валька! — крикнул мужской голос. — Валька!

— Я! — ответил мальчик.

Он помог отцу, который вернулся с рыбалки, подтащить лодку под дощатый навес, перевернуть её и привязать цепью к крепкой кедровой лапе.

Отец взял мешок с хамсой, и они пошли вверх по тропинке.

— Ну, как дела? — спросил отец.
Валька промолчал.
— погоди! Может, ещё ночью прибежит, — сказал отец. — Ночь велика.

* * *

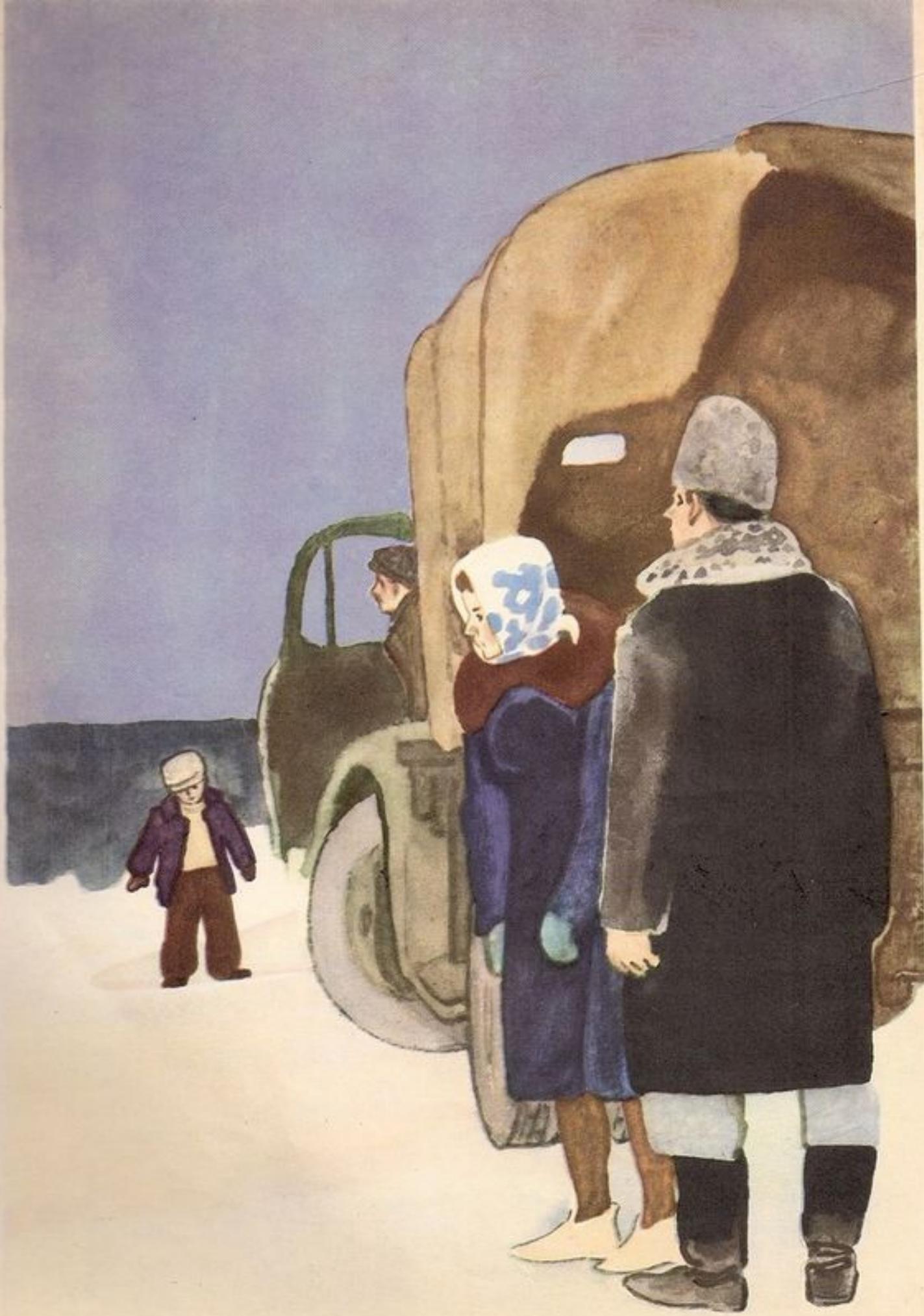
Ночь пришла и ушла, но Букет не прибежал. Солнце ещё не поднялось над горой, и было темно, а на дороге уже стояли грузовые машины. Под их брезентовыми крышами уже сидели пассажиры с чемоданами. Первая машина, поворчав на месте, тронулась в путь, за ней — остальные. Последняя машина задержалась.
— Валька! Валька! — слышались голоса.
Но Вальки не было.
— Как ты его упустил?
— А что его — связать?
— Вот мальчишка, вот характер! — крикнул водитель последней машины.
— Не потеряется, привезут! — сказал Валькин отец.
А мать всхлипнула:
— Он же маленький. Не можем же мы уехать без него!

И в это время на шоссе появился Валька. Ни отец, ни мать не сказали сыну ни слова. Сын, взобравшись на подножку, уселся на сиденье рядом с отцом, и машина тронулась.

* * *

На горных дорогах крутые повороты. Иногда кажется, что машина повернула и едет обратно. Но это только кажется. На самом деле машина взбирается вверх, потом преодолевает перевал и наконец начинает спускаться вниз и едет всё дальше и дальше.

Валька смотрел в окно, мимо неслись каменные стены гор, поросшие седым молочаем. Вдруг далеко внизу снова появилось море и красное пятнышко на берегу.

Это была крыша дома, в котором Валька прожил с отцом и матерью целый год. Теперь в нём будет жить Маруся.

Вчера она сказала Вальке:

— Мы приехали строить дорогу.

— А мы её уже наполовину построили, — ответил ей Валька.

Отряд, с которым уезжала Валькина семья, шёл по будущей дороге первым. Рабочие взрывали скалы, откапывали камни и прорубали в горах тоннели. За ними пойдут другие рабочие, которые дорогу ровняют и укатывают тяжёлыми катками. Марусин отец у них бригадиром.

* * *

Когда море скрылось, отец сказал сыну:

— Не горюй!

Сказать „не горюй!“ легко, но разве можно не горевать, когда там внизу, в бухте Барахте, остался друг. И что с ним, Валька не знает. Может, его друга увёл злой человек, чтобы убить и содрать с него шкуру?

— Ты поищи, — попросил Валька Марусю, когда они прощались.

— Я буду, буду всё время искать, — пообещала она. — И, когда найду, напишу тебе письмо.

Валька ещё раз объяснил Марусе, что Букет лохматый, рыжий и на правом ухе у него чёрная метина.

— Непременно буду искать и найду, — повторила Маруся.

„А вдруг правда найдёт?“ — подумал Валька.

Машина взяла перевал, и снова пошёл снег. Снег летел над горами, опускался к морю и таял.

ЦВЕТЁТ ГЛИЦИНИЯ

лиловая и синяя!
Лиловая и синяя!
Тебя зовут Глициния,
Глициния, Глициния! —

пела Маруся, и получилась песенка.

А вокруг цвела лиловая и синяя глициния. Она цвела большими гроздьями от макушки дерева до самой земли. Вместе с глицинией цвёл тamarиск и ещё сто тысяч разных цветов.

На тёплом берегу весна.

Маруся смела с порога песок, поставила на место щётку и отправилась к морю.

Теперь она видела море каждый день и каждый день не узнавала его. Вчера оно было сердитое, сегодня — ласковое. Вчера оно было тёмное, сегодня — яркое. Вчера волны были выше их дома и не подпускали Марусю к большому камню. А сегодня они лениво подкатывали к берегу и, не успев доползти до камня, уползали обратно. Море будто вздыхало после тяжёлого сна.

На берегу на большом камне сидел незнакомый Марусе человек.

В руках у человека была кисть. А в плоском раскрытом ящике, который лежал у его ног, много всяких красок.

— Что вы делаете? — спросила Маруся.

— Я рисую, — ответил художник, — рисую бухту Бархту.

Маруся подошла ближе и вдруг остановилась. Возле ящика на горячем песке лежала мохнатая, рыжая собака, с чёрной отметиной на правом ухе.

— Как по-твоему, на что похожа самая большая скала? — спросил художник.

Маруся не ответила. Она не смотрела на скалу, она смотрела на собаку. Вот когда, наконец, она нашла её!

— Букет, Букет! — позвала Маруся.

Но собака даже не подняла головы.

— Почему — букет? — удивился художник. — По-моему, скала похожа на сломанный меч.

— Букет! — уже громко крикнула Маруся.

Собака подняла уши и посмотрела в сторону.

— Что ты увидел, Фома? — спросил художник и взял из ящика на жёсткую кисть зелёную краску.

— Как его зовут? — переспросила Маруся.

— Фома. Это, конечно, не совсем собачье имя.

— А как его звали раньше? — переспросила Маруся строго.

— Его всегда звали Фома, со дня рождения. Он тебе нравится?

Художник тронул нарисованные скалы кистью, и они будто подвинулись ближе. Он глядел то на скалу, то на свою картину.

— Так почему же ты решила, что скала похожа на букет?

— Я ошиблась, — ответила Маруся.

„Неужели на свете бывают такие похожие собаки? — думала Маруся. — Рыжая и с чёрным ухом, а не Букет“.

* * *

С тех пор как Валька уехал в горы, Маруся узнала всех собак строительного посёлка. Всех, всех: и тех,

которые бегают куда хотят, и тех, которые сидят на привязи. В большом самодельном конверте пришло с гор письмо от Валентина. Но что она могла ему ответить, если Букет ещё не нашёлся!

А недавно отец рассказал, что к ним на шоссе, где они работают, в обеденный час прибегают забавный пёс, наверно ничей.

Маруся не отставала от отца до тех пор, пока он не согласился взять её с собой на работу.

До обеда Маруся работала вместе со всеми. Она выкладывала белыми камешками круг у дорожного столба. Сначала это было похоже на игру, но подошла мама, поглядела и сказала:

— Где же узор?

Она присела на корточки рядом с Марусей, и камешки под её руками стали один за другим ложиться вокруг столба ровно, как бусы. Маруся старалась, но у неё не получалось так, как у мамы. Наверно, потому, что она всё поглядывала на дорогу и ждала, когда же появится собака, которая должна прибежать к обеду.

Было жарко; хотелось посидеть под кипарисом или поплескаться в ручье.

Ручей прыгал в ущелье по камням и будто звал: „Я жду не дождусь! Идите сюда!“ Но все на дороге работали, никто не лежал под кипарисом и не убегал в ущелье к ручью.

Маруся тоже круг за кругом укладывала белые камни, прижимая их к земле как можно крепче. А солнце сияло и жгло и без того горячую дорогу.

— Шабаш! — крикнул отец, и сразу остановился тяжёлый каток, который гладил на дороге горячий асфальт.

К старому корявому дереву прислонились лопаты, и рабочие спустились в ущелье к ручью умыться.

Марусина мама расстелила прямо на траве брезент и стала резать хлеб большими ломтями. Потом открыла бидон, и из него поднялся вкусный пар.

— Контроль! Контроль! — крикнул кто-то из рабочих, и все засмеялись.

Около расстеленного брезента невесть откуда появился смешной пёс, только совсем не рыжий.

Лохматый Контроль лакал борщ из консервной банки. Ему достались все кости и корки. Он был очень доволен.

А Маруся чуть не плакала. Контроль был серый. Если бы его вымыть, он, может быть, стал бы белым. Но ни одного чёрного пятна на нём не было.

— Что же ты не ешь? — спросил Марусю отец.

Маруся проглотила первую ложку борща, за первой — вторую. Ложка за ложкой, а потом попросила добавки.

— Вот молодчина, — похвалил её отец.

Контроль после обеда сразу убежал, но Марусе уже было всё равно. Это был не Букет.

* * *

Вот и этот, который лежит на песке и смотрит на бухту Барахту, тоже не Букет, хотя и рыжий.

— Ну, старик, нам пора домой! — сказал художник.

Фома нехотя поднялся. Художник сложил кисти, закрыл ящик с красками, взял свою картину и пошёл вверх по тропе.

Фома плёлся за хозяином, а Маруся осталась внизу.

— Если я постучу в дверь этого дома, мне дадут напиться воды? — крикнул сверху художник.

— Нет, — ответила Маруся, — там никого нет. Я сейчас приду.

— Хорошо.

Художник остановился, поглядел на глицинию и, усевшись на пороге, снова открыл свой ящик с красками.

Когда Маруся, взобравшись по тропе, подошла к нему, в раскрытой тетради, которую художник держал на коленях, цвела глициния.

— Вы всё-всё можете нарисовать? — спросила Маруся.

— Всё, — ответил художник. — И я очень хочу нарисовать тебя.

— А собаку?

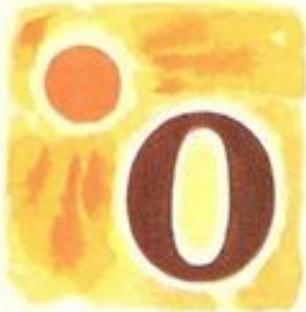
И Маруся рассказала ему, что у мальчика Вальки, который раньше жил в этом доме, была собака Букет. Букет пропал. Валька не может без него жить. А она его до сих пор не нашла.

— Как же тебе помочь? — спросил художник.

— Не знаю.

Когда художник с Фомкой ушли, Маруся опять сбежала к морю. Она взобралась на большой камень и увидела, что большая скала правда похожа на сломанный меч, а волны достают брызгами до его рукоятки.

чень жарко, целыми днями печёт солнце, ветер метёт по дорогам белую пыль.

Всё дальше и дальше в горы уходит дорога, которую строят Марусины родители. Они возвращаются домой уже вечером. И сразу бегут к морю купаться.

— Пёкло! — говорит отец. — Я сгорел!

Он трёт мелкой галькой грудь, ноги и с разбегу кидается на волну. Плавает он легко и быстро. А мама плещется вместе с Марусей у берега.

— Была бы у тебя подружка, было бы веселее, — говорит мама.

— А мне не скучно. Мы с Бакаевым рисовали медузу! — хвастает Маруся.

Бакаев — это тот самый художник, у которого собака Фома. Он приходит теперь на берег каждый день, утром — рисовать, а вечером — есть кулеш, который Марусина мама варит на настоящей печке прямо в саду.

* * *

Совсем стемнело; с моря запахло водорослями и рыбой. Пора уже ужинать, а Бакаева нет. Маруся стоит у калитки и ждёт, когда на тёмной дороге послышатся его шаги.

— Может, он загулял? — говорит Марусин папа.

— Иди, дочка! — зовёт мать и разливает кулеш по мискам.

Маруся садится за стол и молча берёт ложку. Неужели Бакаев про неё забыл?

— Ешь! — говорит отец. — Завтра объявится.

* * *

На другой день было ещё очень рано и Маруся спала, когда Бакаев пришёл и сел на пороге. У него не было с собой ни красок, ни подрамника.

— Я уже давно сижу и жду тебя, — сказал он Марусе. — Ты знаешь, я, кажется, нашёл Валькину собаку.

Маруся надела тапочки. Она не стала пить молоко, взяла в руки мохнатый персик, и они пошли.

— А ты дойдёшь? — спросил Бакаев Марусю. — Это далеко, за кипарисовым лесом.

— Дойду, я умею ходить далеко.

Марусе хотелось скорее увидеть собаку. Может быть, это и правда Валькин Букет. А вдруг Бакаев ошибся?

Дорога круто свернула и стала подниматься вверх, а потом повела их по ущелью. На солнечном склоне Маруся увидела дом и сад, окружённый колючей изгородью из шиповника. Они подошли ближе. Посреди изгороди были врыты два столба, а на столбах висела калитка. Прямо на калитке была нарисована собачья голова и под ней надпись: „Злая собака!“

— Пойдём обратно, — зашептала Маруся. — Это не Букет: Валька говорил, что он не кусается.

— Подожди! — сказал Бакаев.

Он подошёл к калитке совсем близко и спросил громко:

— Хозяева дома?

В саду было тихо, в доме не открылись ни дверь, ни окно.

— Хозяева дома? — повторил Бакаев.

Никто не ответил. Тогда Бакаев подхватил Марусю и поднял её над колючей изгородью.

— Гляди!

Среди грядок под деревом инжира стояла собачья будка, а на будке сидел Букет. Это был он. Рыжий, с чёрным ухом.

— Букет! Букет! — позвала Маруся.

Загремела цепь, и Букет завизжал как маленький.

— Как же мы его освободим? — спросила Маруся.

Бакаев не ответил, он быстро опустил её на землю. В доме хлопнула дверь.

— Что хотите куплять? — спросила толстая женщина.

Она была похожа на людоедку. Насупив чёрные брови, „людоедка“ вытирала фартуком жирные губы и, притворно улыбаясь, шла прямо к ним.

Букет продолжал визжать, он натянул цепь и нетерпеливо перебирал лапами.

— Цыц! — крикнула на него „людоедка“. — Есть хороший дюшес! — сказала она, загораживая собою калитку.

— Пожалуйста! — И художник Бакаев протянул „людоедке“ деньги.

— Не надо, не надо! — толкала его Маруся.

Но было уже поздно: „людоедка“, нагнувшись, пошарила под деревом и дала им две жёсткие зелёные груши.

* * *

Взявшись за руки, Маруся и Бакаев возвращались по той же дороге. Они обсуждали план похищения Букета.

— Надо прийти, когда никого нет, и пролезть через колючки! — сказала Маруся.

— Не торгует же она только дома? — рассуждал художник. — Уходит же она на базар.

— Конечно! Мы снимем с него ошейник и убежим, — обрадовалась девочка, — я очень быстро бегаю.

— А вот я уже не очень.

— Всё равно убежим! — ободряла Маруся Бакаева. Вечером, за ужином, они изложили свой план.

— Это же злыдни его украли! — сказал Марусин отец. — А нам зачем красть? Мы красть не будем. Пойдём и уведём собаку.

Маруся нырнула под кровать и вытащила из ящика старую серую кепку, с пуговкой на макушке.

— Вот! Мне дал Валька! Надо дать ему понюхать эту кепку. Букет сам убежит, если понюхает.

— Тогда дело в шляпе! — засмеялся Бакаев, и всем стало весело: оказывается, так просто можно выручить Валькиного друга, который наконец нашёлся.

* * *

На другое утро по дороге шли трое: Марусин отец — несмотря на жару, он шёл в сапогах и спецовке, Бакаев в белом парусиновом костюме и соломенной шляпе и Маруся в розовом сарафанчике и старой Валькиной кепке.

Вид у всех троих был решительный. Вот уже виден дом, колючая изгородь и за забором будка, на которой сидит Букет.

— Ты видишь, какая толстая цепь? — прошептала Маруся и прижалась к отцу.

Никто из троих не назвал собаку по имени. Но Букет встал и посмотрел в их сторону, виляя хвостом. Бакаев даже прижал палец к губам, чтобы Букет вдруг не залаял.

Освободители очень тихо подошли к колючему забору.

— А чего мы таимся?! — вдруг сказал Марусин отец.

Он толкнул калитку, но она не открылась, видно, была заперта.

— Что хотите куплять? — раздался „людоедский“ голос, и „людоедка“ появилась на пороге.

— Мы ничего не хотим куплять, — ответил Марусин отец.

Он разбежался и перепрыгнул через калитку прямо

в „людоедский“ сад, подошёл к будке и расстегнул Букету ошейник.

— Ой! — закричала „людоедка“.

Букет метнулся в сторону, прижав уши, прополз под колючим забором и вырвался на свободу. Не оглядываясь, он помчался вверх по дороге.

— Что вы творите! Кто вас сюда звал! — кричала „людоедка“.

— Тише! — сказал Марусин отец. — Всё правильно.

— Букет не ваш, а наш! — осмелев, крикнула Маруся. А Бакаев помахал „людоедке“ шляпой.

— Геть! Я позову милицию! — кричала им вслед „людоедка“.

— Идёмте скорей, — торопила Маруся, — а то Букет опять убежит неизвестно куда!

Но Букет не убежал. Когда они подошли к своему дому, он встретил их на пороге. Высунув язык, Букет часто дышал.

— Ну тебя! — закричала Маруся и замахала на него Валькиной кепкой.

Но Букет всё-таки ухитрился и лизнул её прямо в губы.

* * *

Букет сидел на тёплых ступенях и сторожил дом. В этом доме знакомые ему вещи и запахи. Вот половик, на котором он спал, миска, из которой он ел. В углу на крыльце лежит мячик. В мячик он играл с хозяином.

„Лови!“ — кричал хозяин и бросал мяч как можно дальше.

Букет мчался, хватал мячик зубами и нёс его обратно. Мячик очень хорошо пахнет: так же пахли колёса машины, которая раньше стояла у дома.

Теперь в доме живут другие люди. Появились незнакомые запахи и вещи: другие чемоданы, другие одеяла на постелях, чужие башмаки у порога.

Новые хозяева дают Букету есть и не сажают на цепь, как „людоедка“, которая кормила его солёной рыбой и сладкими абрикосами. В доме живёт девочка Маруся. Вот она идёт по тропинке к дому.

Она подойдёт, погладит его. Она даже предложит ему поиграть.

— Лови! — крикнет Маруся и бросит далеко маленький мячик.

Но Букет не побежит за ней, он не хочет играть с Марусей.

— Букет! Букет! — кричит Маруся. Она треплет его за уши и говорит: — За тобой скоро приедет твой Валька — мы ему написали письмо. — И добавляет: — Не понимаешь?

Она подбрасывает мячик кверху, и вдруг кто-то поймал мяч над её головой. Это художник Бакаев. Как он неслышно подошёл! Букет знает и этого человека, и его собаку. У Бакаева добрые руки. Букет не возражает, когда этот человек треплет его и приговаривает:

— Не скучай, пёс, не вздыхай.

Стоят очень жаркие дни. Только тогда, когда солнце ныряет с макушкой в море и в сумерках начинают звенеть цикады, наступает прохлада.

Бакаев рисует вечернее небо.

— Вот видишь, — говорит он Марусе, — над вершиной облако? Оно ничего хорошего не сулит.

— Оно тебе не нравится? — удивляется Маруся. — Оно очень красивое, серое и с золотым краем.

— Это разведчик злых туч, — говорит Бакаев. — Они поднимутся над морем и утащат солнце.

Бакаев трогает золотое облако кистью, и оно парит над вершиной нарисованной горы, лёгкое, как дыхание.

Маруся не может поверить Бакаеву.

— Если бы оно было злой разведчик, — говорит она, — оно было бы чёрное-чёрное.

Бакаев слушает, как Маруся заступается за облако, и продолжает рисовать.

Прошло много летних дней. Солнце вялило инжир и тяжёлые срезанные кисти винограда. На заборах в посёлке сушились связки бычков, барабульки и разной другой рыбёшки.

Приближалась осень. Но, когда она придёт, в какой именно день, ещё никто не знал.

Ночью Маруся проснулась. Кто-то будто стучал во все двери и окна дома.

— Мама! — позвала она. — Кто это?

— Спи, это шторм, — сказала мама.

— Кто?

— Шторм, — повторила мать.

Буря на море.

Шторм ударял волнами в берег, и весь берег был в пене. Волны старались взметнуться одна выше другой.

— Они достанут до нашего дома, — сказала Маруся, поглядев в окно.

Отец тоже подошёл к окну и попросил маму дать ему плащ и резиновые сапоги.

— В такую погоду хозяин собаку из дому не выгонит, — сказал он, одеваясь.

Букет сидел дома, никто его не выгонял, но, когда открывали дверь, он забирался под кровать и скулил.

— Что ты? — спросила его Марусина мама. — Страшно? Ещё бы не страшно, когда за дверью воет и вздыхает кто-то очень большой!

— Он, наверно, думает, что это большая собака, — сказала Маруся.

— Кто его знает, что он думает, а что ему страшно, сразу видно.

Марусина мама нагнулась, погладила Букета и дала ему лепёшку.

* * *

Днём шторм стал затихать, а к вечеру сквозь плотную завесу туч пробился луч солнца.

На тропинке, которая спускалась к морю, валялось много сучьев. Ветер наломал их в ущелье да не успел сбросить в море. По берегу среди камней лежали спутанные водоросли, какие-то щепки. За большим чёрным камнем в маленьком озерке чуть-чуть шевелил плавниками лобастый бычок.

Увидев его, Букет зарычал.

— Ну что ты рычишь на такую маленькую рыбу? — сказала Маруся.

Она присела на корточки и хотела тронуть бычка пальцем. Бычок метнулся, ударился о каменную преграду и снова застыл.

— Видишь, он боится?

Маруся сняла шапочку, зачерпнула в озерке и поймала бычка.

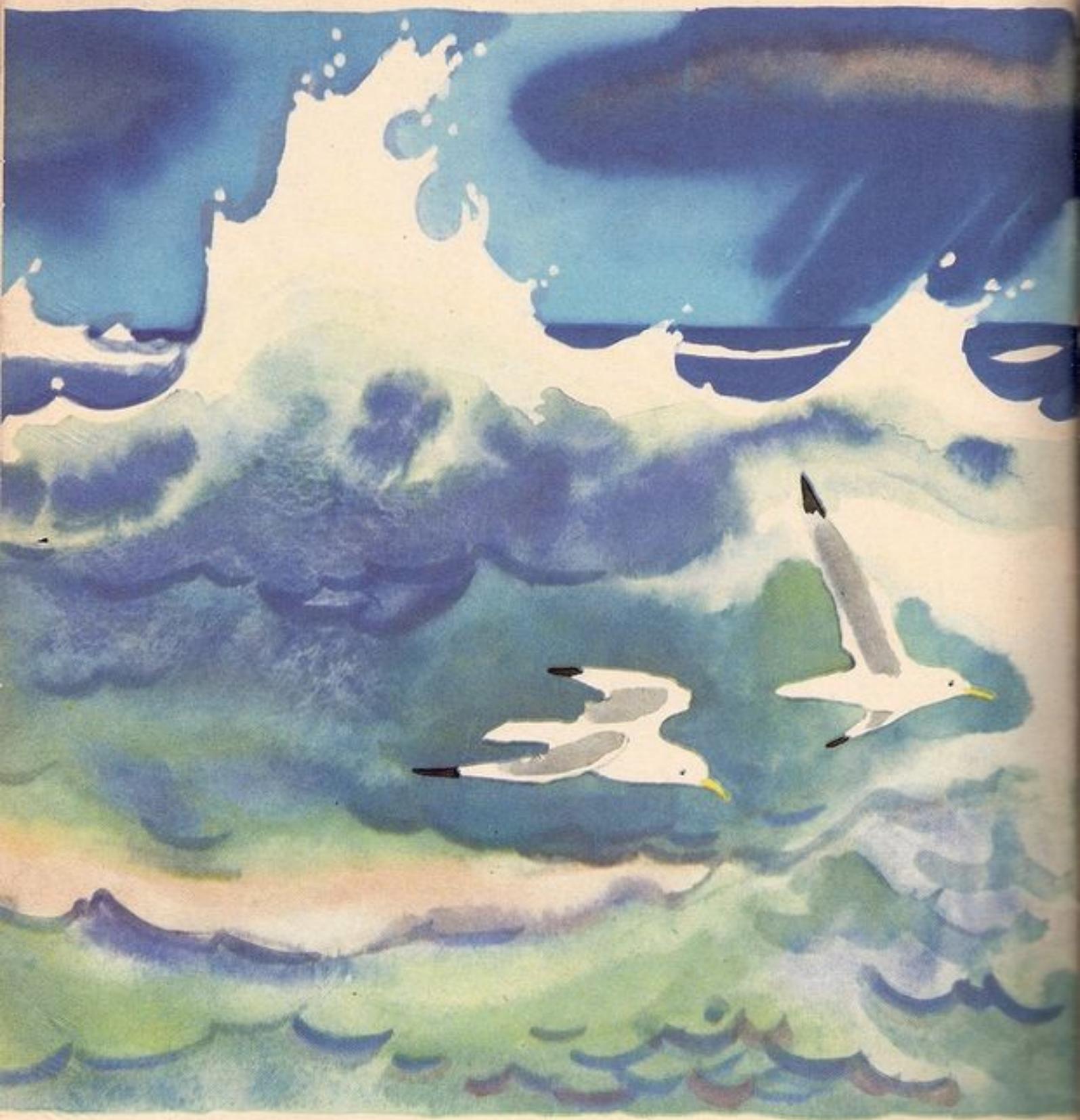
— погоди! Сейчас мы тебя выпустим!

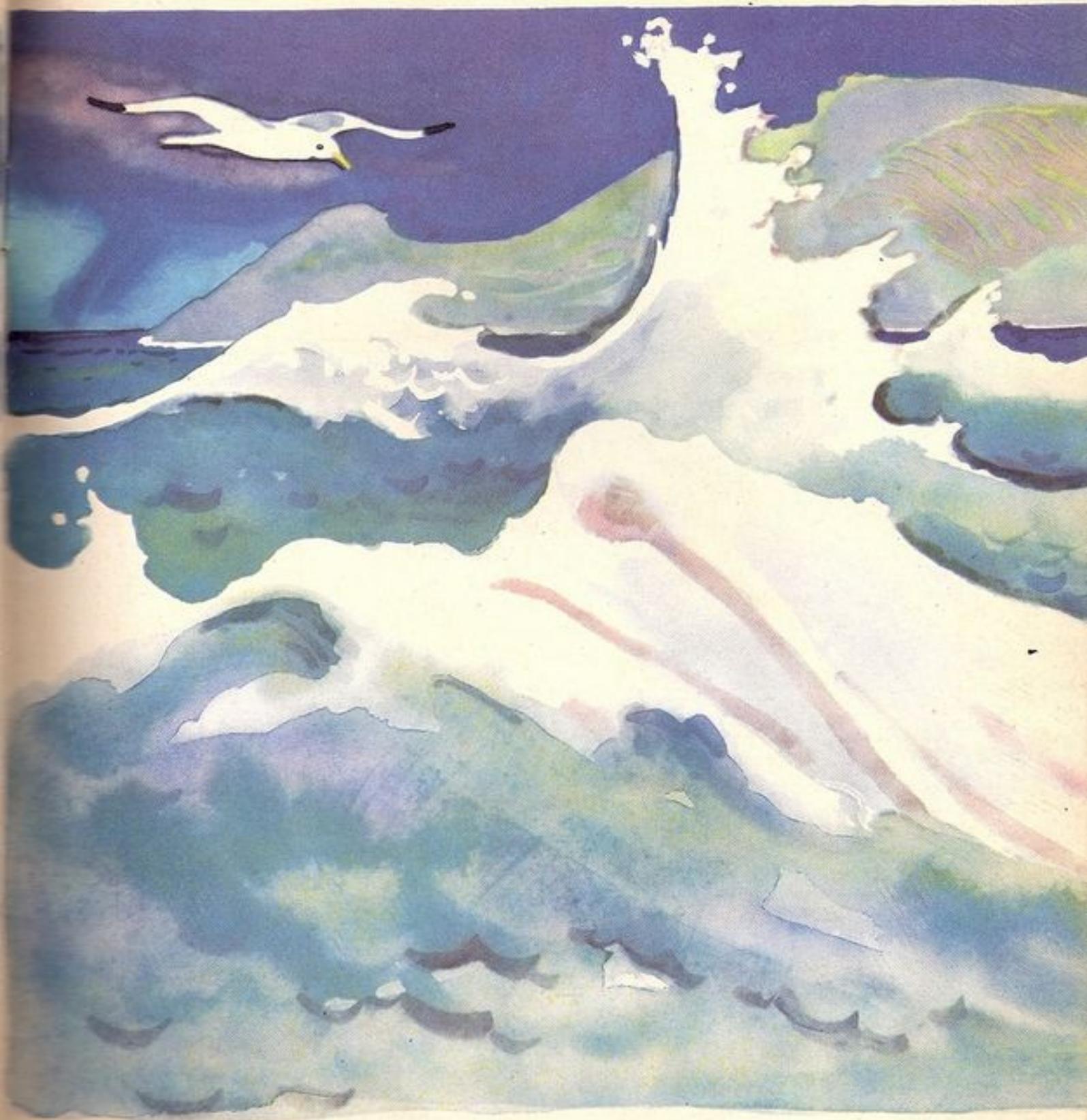
Они побежали с Букетом навстречу усталой волне. И вылили бычка из шапочки в море.

— Плыви!

Наверно, бычок уплыл раньше, чем откатилась волна, потому что они уже его больше не увидели.

Вдруг Букет сорвался с места и бросился вперёд.

Навстречу ему, вниз по тропинке, спускался бегом его хозяин.

— Как же ты приехал? Ведь машины не ходят? — закричала Маруся.

— Когда машины не ходят, люди пешком идут, — ответил Валентин.

Его просто ни о чём нельзя было спросить. Букет лаял, лизал его и даже укусил. А Валька радовался. Он пришёл пешком. А разве он мог не прийти?

* * *

На другой день небо было ясным и море отдыхало после бури. В горы по новой дороге уходила первая машина. На этой же машине уезжал Букет. В мягком ошейнике, он сидел рядом с Валентином. Бакаев и Маруся их провожали.

— Ну, тронулись!

Водитель хлопнул дверцей, и машина покатила. Она не подняла пыли. Дорога после дождя была влажной, а на терновнике у обочины ещё блестели вчерашние дождевые капли.

— Смотри! — сказала Маруся Бакаеву.

— Опять солнце, — ответил художник.

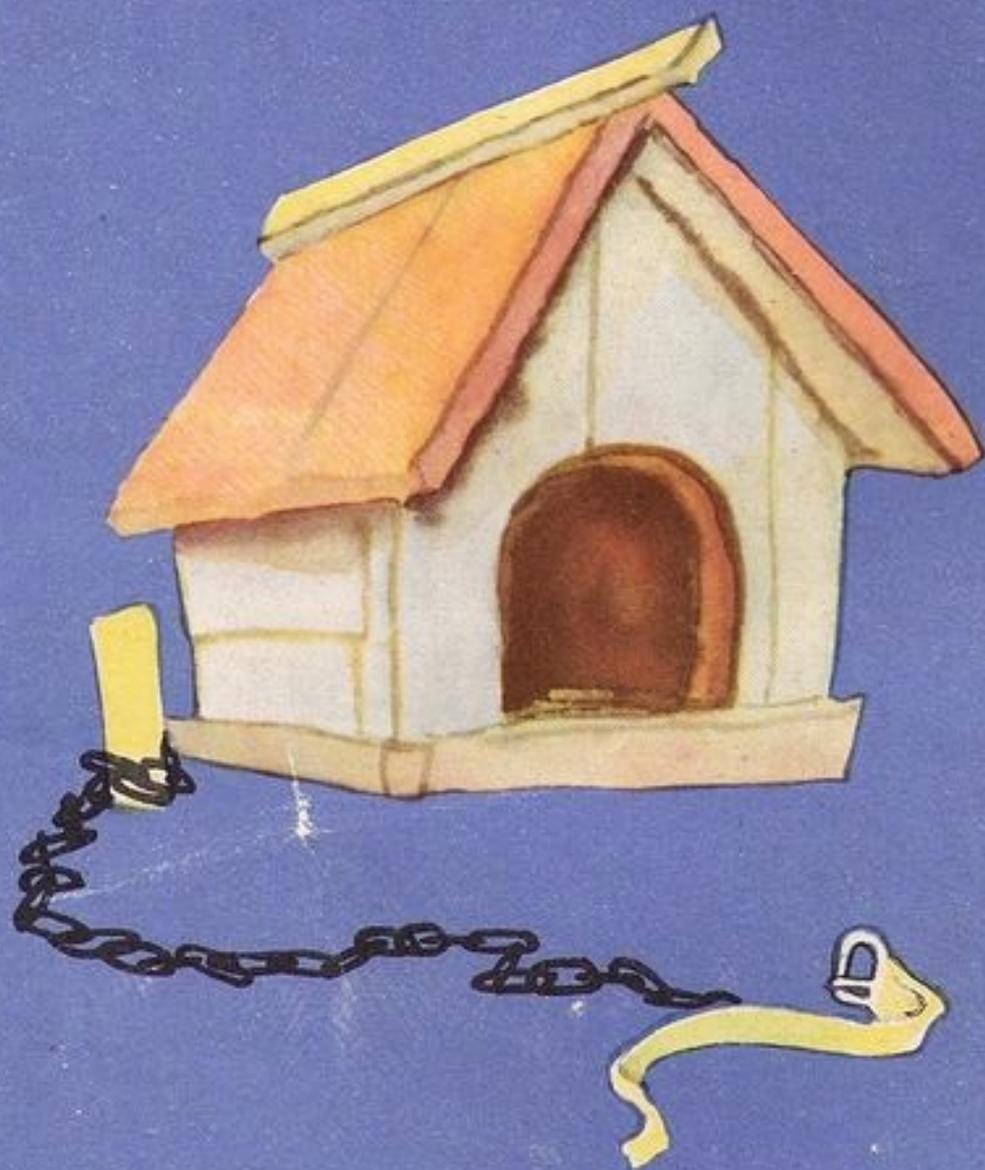
— А могут тучи утащить его совсем?

— Нет, — ответил Бакаев.

Он взял Марусю за руку, и они пошли обратно в бухту Барахту.

Цена 19 коп.

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Карпенко Галина Владимировна

БУХТА БАРАХТА

Ответственный редактор *Н. А. Терехова*. Консультант по художественному оформлению
С. М. Алачевский. Технический редактор *М. А. Кутянова*. Корректор *К. П. Талалеева*.
Сдано в набор 14/II 1964 г. Пошло в печать 24/VI 1964 г. Формат 90×90¹/₂—4 в. л.; (2,71 уч. изд. л.)
Тираж 300 000. ТП 1964 № 49. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1

Фабрика «Детская книга» № 1 Росгравполиграфпрома Государственного комитета Совета
Министров РСФСР по печати. Москва, Сушеский вал, 49. Заказ № 373.